
Марина Ветрова ✦ Анна Шилд
Развод с предателем.
Ты сделал меня преступницей, а шейх вернул мне свободу!

Анна Шилд

Развод с предателем. Ты сделал меня преступницей, а шейх вернул мне свободу!

«Автор»
2026

Шилд А.

Развод с предателем. Ты сделал меня преступницей, а шейх вернул мне свободу! / А. Шилд — «Автор», 2026

Девять лет я ждала мужа из командировок, верила каждому слову и гордилась его успехами. А потом приехала в Дубай и увидела его настоящую семью: другую жену и двоих детей.Но измена оказалась лишь началом кошмара. Руслан подделал мои подписи, втянул в финансовые махинации и решил сделать виновной во всём.Теперь мне грозят следствие и потеря доброго имени.Единственный, кто способен помочь, — влиятельный шейх Зейд аль-Наими. Он привык управлять людьми, заключать сделки и никогда не проигрывать.Только я не собираюсь становиться его собственностью.Сумеет ли мужчина, которому подвластны миллиарды, доказать, что любовь нельзя купить?На кону стоит моя собственная свобода.

© Шилд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Подпись не на том документе 5
Глава 2. Ночь в чужом доме 7
Глава 3. Перевод под давлением 8
Глава 4. Золотая клетка 10
Глава 5. Ноль на счету 11
Глава 6. Вторая семья по документам 13
Глава 7. Письмо, которого не было 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Марина Ветрова, Анна Шилд
Развод с предателем. Ты сделал меня преступницей, а шейх вернул мне свободу!

Глава 1. Подпись не на том документе

Кондиционер в гостиной фамильного дома Кузнецовых бил прямо в затылок, и я натягивала блузку на плечи, хотя за окном Дубай плавился в белом мареве. Руслан сказал: «Переоденься прилично, шейх едет». Голос у него был тот самый, командировочный — бодрый, чуть нарочитый, каким он девять лет докладывал мне из «Азии» по скайпу.

Я перевела в жизни тысячи страниц. Договоры, доверенности, письма о намерениях. Я знала, как пахнет дорогая бумага и как звучит ложь на четырёх языках. Но своего мужа я не раскусила за девять лет.

Шаги. Женские, лёгкие, босиком по мрамору.

— Руслан, где моя синяя абайя? — голос проник из коридора. Молодой, домашний, с той интонацией, какой жёны кричат мужьям о пропавших туфлях. — И скажи Амире, что мультики на ночь — только один мультик!

Я стояла в гостиной с папкой договора в руках и не могла пошевелиться.

Он вышел следом за голосом — и застыл. Я видела, как у него дёрнулась щека, как он посчитал — быстро, по-хозяйски, — что уже поздно, что я всё слышала.

— Лин… — начал он.

Из коридора вышла женщина. Молодая, лет на десять младше меня, в домашних шароварах, с ребёнком на бедре — девочка лет шести уткнулась ей в шею. А из-за её спины выглянул мальчик лет восьми и спросил по-арабски:

— Мама, это кто?

И вот тут я сделала то единственное, что умела профессионально, — перевела. Для себя. Автоматически.

Кто это?

— Я жена Руслана, — сказала я по-арабски, ровно, удивляясь собственному голосу. — Из Москвы.

Женщина побелела. Ребёнок на её бедре захныкал. А Руслан выдохнул, провёл ладонью по лицу и сказал страшное, будничное:

— Аделина, присядь. Давай без сцен, у нас через двадцать минут шейх.

Без сцен. Как будто девять лет моих ожиданий в пустой квартире — это сцена. Как будто я — истеричка, которая не понимает, что у человека важные гости.

— Сколько? — спросила я.

— Лин…

— Сколько лет, Руслан? — Я поставила папку на журнальный столик. Очень аккуратно. Руки не должны были дрожать при свидетелях. — Мальчику восемь. Амире — шесть, я правильно поняла по-арабски? Он родился раньше нашей свадьбы. Ты вёл их с рождения. У тебя были две семьи. Одновременно.

Он посмотрел на меня так, как смотрел на просроченные сметы: с досадой на помеху.

— Это сложно объяснить.

— Попробуй. У меня лингвистическое образование, я справлюсь.

Дверной звонок спас его. Дворецкий распахнул дверь, и в дом вошла волна — охрана, секретарь, и он. Зейд аль-Наими. Я переводила на его встречах уже второй год и знала его манеру: он не здоровается первым, он осматривает помещение, как полководец — поле.

Сегодня его взгляд зацепился за моё лицо и остановился. Я не знала, что у меня такое лицо. Теперь знаю: у человека, чья жизнь рухнула пять минут назад, оно не плачет. Оно белое и очень спокойное.

— Начнём? — спросил Зейд, садясь.

Я открыла папку. Английский, арабский, строки о гарантиях, о банковских поручительствах, о структуре владения. Мой голос звучал ровно, я держала линию — а внутри у меня стоял мальчик восьми лет и спрашивал: «Мама, это кто?»

На седьмой странице я наткнулась на неё. Графу о семейном статусе совладельца. «Женат, двое детей» — и рядом, мелким шрифтом, арабская строка, которую Руслан, очевидно, считал, что я не успею прочитать.

— Здесь опечатка, — сказала я и посмотрела на мужа. — Шейх интересуется, сколько у вас детей. Документ указывает двух.

Руслан потянулся забрать договор. Зейд положил на страницу два пальца — небрежно, как кладут руку на чужую собственность.

— Переведите точно, — сказал он мне. Слово в слово, как всегда требовал.

И я перевела. Всё. Про структуру, про поручительства, про подпись Руслана под обязательствами, которые он, судя по тому, как дернулась его нога под столом, никогда не собирался исполнять. Я переводила и понимала: мой брак был такой же строкой в чужом договоре. Мелким шрифтом. Который никто не собирался читать.

Когда встреча закончилась и Зейд поднялся, он задержал на мне взгляд на секунду дольше положенного.

— Вы бледны, госпожа переводчик.

— У меня, видимо, семейные обстоятельства, ваше высочество, — сказала я по-арабски.

Уголок его рта дрогнул.

— Это я заметил.

Дверь за ним закрылась. Руслан выдохнул с облегчением — и я поняла, что самое страшное ещё впереди. Что он сейчас начнёт объяснять.

И он начал.

Глава 2. Ночь в чужом доме

— Ты всё выдумала, — сказал Руслан, как только за шейхом закрылась дверь.

Я даже рассмеялась. Коротко, некрасиво.

— Выдумала? Детей? Я их видела, Руслан. Один висел у неё на бедре, как твой племянник у твоей матери.

— Это сложно…

— Попробуй слово «сложно» ещё раз, и я переведу наш брак на арабский. Посмотрим, сложно ли выйдет.

Он шагнул ко мне, взял за плечи — по-хозяйски, как брал всегда, когда «я выходила из берегов». Ладони у него были тёплые и чужие.

— Слушай меня. Семнадцать лет я пашу. Ты не представляешь, что такое строить бизнес в этой стране без связей. Она — моя страховка. Дети — гражданство, статус, доступ. Это работа, Лин. А ты — моя жизнь.

— Моя мама тоже говорила, что папа в командировках зарабатывает на нашу дачу. Он завёл вторую семью через два года после свадьбы. Знаешь, что самое смешное? Я поклялась себе, что не повторю маму. Девять лет, Руслан. Девять лет я ждала тебя из «Азии».

— Значит, я плохо скрывал, — он усмехнулся, и вот эта усмешка добила меня сильнее всего. Он не оправдывался. Он пожал плечами: поймали — так поймали.

Я вывернулась из его рук и пошла по коридору — мимо детских рисунков на стенах, мимо маленьких сандалий у двери, мимо фотографий в рамках, которых у нас в Москве не было ни одной. Гостевую комнату я заперла на задвижку, села на край чужой кровати и долго слушала собственное сердце.

За стеной он успокаивал её. Дверь была тонкая, а я, как назло, понимала арабский без словаря.

— Она не имеет значения, — говорил он жене тихо, вкрадчиво. — Она московская статья расходов. Забудь. Никто не разведёт нас. Я всё уладил давно, всё оформил, она даже не сможет…

Статья расходов. Он повторил это слово снова, как ярлык на коробке. Девять лет моей верности на его языке весили ровно столько, сколько стоит строчка в бухгалтерском отчёте.

Я легла, не раздеваясь, уставилась в потолок, где висела красивая люстра, чужая, с подвесками. Плед пах лавандой. Я думала: в Москве сейчас пустая квартира, в холодильнике — мой недопитый компот, на подоконнике — герань, которую я поливала по скайп-инструкции сестры. Вся моя жизнь была здесь, в этой комнате, не превышала по размеру один чемодан.

Реветь я не стала. Я — Кузнецова. Мы ревём потом, сначала мы считаем.

Потом в дверь постучали. Три удара — не вежливых, властных. Я встала, отодвинула задвижку.

За дверью стоял помощник шейха — молодой, безупречный, с планшетом.

— Госпожа Кузнецова. Завтра в девять переговоры с его высочеством. Он распорядился: ваше присутствие обязательно. Он также передал, — помощник помедлил, подбирая формулировку, — что усталые переводчицы допускают ошибки. Вы не должны допустить ошибки.

Дверь закрылась. Я стояла посреди чужой комнаты и понимала смысл сказанного без всякого перевода: шейх аль-Наими что-то заметил. И я ему зачем-то понадобилась. Утром.

Я не спала почти до рассвета. Но утро я встретила с собранными волосами и чистой блузкой — потому что если жизнь рушится, то рушиться надо с прямой спиной. Этому меня научила не мама. Этому меня научила герань на подоконнике, которая растёт даже тогда, когда её поливают раз в месяц.

Глава 3. Перевод под давлением

Переговоры шли в офисе холдинга на сорок втором этаже. За панорамным стеклом лежал город, белый и безжалостный, как неоплаченный счёт.

— Пусть ваша совладелица пояснит, — Зейд не смотрел на Руслана, он смотрел на меня, — пункт о возврате аванса при срыве сроков. Что именно ваш супруг обещал и когда он собирался это вернуть.

Я перевела. Руслан заерзал:

— Скажи, что речь о форс-мажоре, обычная практика…

— Не надо тебе помогать, — спокойно сказал Зейд по-арабски, глядя на меня. — Переводите его слова. Нет — переведите документ. Страница двадцать четыре, абзац второй. Он подписал возврат к первому числу. Спросите его, сегодня какое число.

Я спросила. По-английски, чтобы всё было в протоколе. Руслан ответил. Я перевела его ответ, и его ответ был: «Технически я не отдавал себе отчёта в дате». По-русски он врал красиво. В переводе выходил лжецом.

Так прошло два часа. Зейд разбирал Руслана, как хирург, — без крика, без нажима, просто вскрывал договор страницу за страницей, и каждый раз вместо Руслана отвечала я. Я переводила его собственные подписи, его собственные обязательства, и с каждой страницей понимала: за девять лет я жила внутри его вранья как внутри этого договора — на правах мелкого шрифта.

На перерыве он догнал меня у кофемашины, схватил за локоть.

— Ты нарочно? Ты помогаешь им топить меня?

— Я перевожу, — сказала я. — Это моя работа. Твоя работа была — не врать жене девять лет.

— Лин, ты моя жена…

— Я твоя статья расходов. Сам сказал. Жаль только, счёт я закрою не сразу — с процентами.

Секретарь шейха подошёл беззвучно:

— Госпожа Кузнецова, его высочество ждёт.

Второй раунд был короче. Зейд положил перед Русланом лист о приостановке финансирования и сказал фразу, которую я перевела дважды — про себя и вслух:

— Договоры подписывают те, кто не врёт переводчицам.

Вечером, вернувшись в фамильный дом — больше мне идти было некуда, — я не нашла своего паспорта. В сейфе, куда Руслан сдал документы «на хранение при оформлении визы», лежала квитанция: «На оформлении». Срок — не указан.

Я позвонила в консульство из холла отеля, куда заехала поплакать над кофе. По-русски мне вежливо объяснили: без загранпаспорта — только заявление, восстановление через посольство, недели. А паспорт мой «находится в оформлении» у местного спонсора.

Я поняла, кто спонсор, в ту же секунду. И не знала, плакать или смеяться: хищник, который грыз Руслана на переговорах, держал мой паспорт в лапе. Зачем? Спросить было не у кого — кроме него.

Я вернулась в гостиную фамильного дома, где Руслан смотрел футбол. Встала в дверях.

— Где мой паспорт?

— В фирме оформляют визу, — не отрываясь от экрана. — Через пару недель отдадут. Ты не волнуйся, никто тебя не тронет.

Никто тебя не тронет. Как будто я — вещь на хранении. Я развернулась и пошла к двери. Дворецкий у калитки — свой человек, конечно — покосился на меня и не открыл.

Я стояла за стеклом парадной двери и смотрела на пальмы, и впервые в жизни по-настоящему испугалась. Не за деньги. За то, что я — вещь, которую переложили из одной коробки в другую, и обе коробки заперты.

Глава 4. Золотая клетка

На третий день за мной прислала машина. Чёрный лимузин, водитель в белом, табличка с моей фамилией, написанной без единой ошибки.

Дворец я увидела издалека — он не блистал, он стоял, как гора. Внутри было прохладно, пахло розовой водой и свежим хлебом. Служанка провела меня в комнату размером с нашу московскую квартиру: шелка, вид на залив, на подносе — чай с мятой и маленькие пирожные с фисташкой.

— Его высочество просили накормить вас, — сказала служанка. — Вы мало едите, это заметно.

Я сидела за низким столиком, ела тёплый хлеб с сыром — лучшим сыром в моей жизни, — и понимала абсурд: человек, у которого я фактически в плену, заботится о моём обеде.

Зейд принял меня через час, в кабинете без единой лишней вещи. Он не предложил мне сесть. Он вообще не церемонился.

— Ваш паспорт, — сказал он по-арабски, — находится у меня. Он будет возвращён, когда я сочту нужным. Вопросы?

— Тысяча вопросов, — сказала я на его языке. — Начнём с главного: на каком основании?

— На основании того, что ваша подпись стоит под документами фирмы вашего мужа. А фирма должна мне больше, чем стоит весь ваш московский брак. Если вы уедете сейчас — суд затянется на годы, и выиграет их адвокат, а не моя правда. Вы — часть доказательной базы, госпожа Кузнецова. Пока — часть.

— Вещь, — перевела я.

— Актив, — поправил он. — Разница в том, что актив я содержу хорошо. Комната, охрана, жалование. Потому что у меня есть предложение: работайте у меня переводчиком. Официально, с контрактом, с деньгами на счёт. Ваш муж заморозил ваши карты — да, я знаю. Мой человек уже выяснил это утром. Пока вы работаете на меня — вы не нищая. Уезжаете — нищая и бесправная. Выбирайте.

Я выбирала долго. Минуты три, глядя ему в глаза, а он выдержал все три минуты, не моргнув, — и вот тут я впервые почувствовала этого человека не как угрозу из новостей, а как погоду. От него не уйти и не спрятаться. Можно только одеться потеплее.

— Контракт, — сказала я. — Я хочу читать каждую строчку. И я хочу, чтобы в нём был пункт: паспорт возвращается по моему требованию через полгода добросовестной работы.

Что-то мелькнуло в его лице — я бы сказала, удивление, если бы этот человек умел удивляться.

— Через полгода, — согласился он. — Но пункт я переформулирую: через полгода я верну паспорт добровольно, без вашего требования. Есть разница.

— В чём?

— Требование — это когда не доверяют. Добровольно — это когда и так понятно.

Он подписал контракт при мне, размашисто, и когда подвинул мне второй экземпляр, его пальцы на секунду легли на страницу рядом с моей рукой. Тепло от его руки я почувствовала кожей. И убрать свою не успела — или не захотела, честно себе не признаешь.

Вечером я пила чай на террасе — налегке, без дрожи в руках впервые за неделю. Клетка. Но с мятным чаем, видом на залив и зарплатой.

Золотая, подумала я. Только у золотых клеток есть одна особенность: рано или поздно выясняется, кто кого в кого посадил.

Глава 5. Ноль на счету

Сообщение из банка пришло в девять утра: «Операция отклонена». Потом ещё одно. К обеду карта не работала вовсе, приложение показывало ноль, и на звонок в поддержку женский голос объяснил мне ласково, как ребёнку: «Средства заблокированы по заявлению совладельца счёта, госпожа Кузнецова. Общие активы, знаете ли».

Знала. Девять лет я слушала, как он говорит «наш бюджет», «наша квартира», и подписывала доверенности, которые он приносил «на пару минут». Я перевожу юридический текст быстрее всех в Москве. Я подписала собственную несвободу, потому что он принёс бумаги к ужину, с гречкой.

Я позвонила ему. Он взял на третьем гудке, весёлый.

— Лин! Слушай, по деньгам не парься, это временно, юридическая необходимость, пока идёт спор с шейхом. Ты же понимаешь: если у тебя на счетах будут деньги, тебя могут привлечь как…

— Как соучастницу? — спросила я. — Уже слышала. Спасибо, что предупредил дважды.

— Не язвительничай. Тебя же содержат там нормально?

— Прекрасно. Пирожные с фисташкой. Передавай привет жене.

Я сбросила. Села на террасе, обхватила колени. В кошельке — эквивалент тридцати долларов наличными и дисконтная карта «Золотое яблоко» из прошлой, чужой, счастливой жизни. Тридцать долларов и железная клетка с пирожными. Дно, я думала, ниже уже некуда.

Оно оказалось ниже к вечеру — и одновременно выше, и об этом ниже.

За ужином служанка поставила передо мной блюдо, которого я не заказывала: молочный ягнёнок с рисом и шафраном, и сказала смущённо:

— Его высочество распорядился. Сказал: работница холдинга ужинает по стандарту переговорных делегаций.

— Пусть передаст спасибо, — сказала я. — Стандарт делегаций — это многовато для одной переводчицы.

Служанка заколебалась. Потом наклонилась ближе и понизила голос:

— Госпожа, можно я скажу то, что не велели говорить? Ваше проживание все эти дни оплачено из личной кассы его высочества. Не из счёта холдинга. Из личной. Он распорядился скрыть это, чтобы вы не почувствовали себя… должной.

Я сидела с ложкой в руке и не могла есть. Человек, который запер мой паспорт, который назвал меня активом, который держал меня в стеклянной клетке с видом на залив, — из своего кармана, тайно, оплачивал мой ужин. Не для протокола. Не для сделки. Тайно — чтобы мне не было неловко.

Я нашла его в кабинете — он работал ночью, всегда работал ночью. Встала в дверях, и все заготовленные красивые фразы разлетелись.

— Вы оплатили мне проживание. Из личных средств.

Он не поднял головы от бумаг.

— Это была хозяйственная необходимость.

— Нет. Хозяйственная необходимость — это холдинговый счёт. Вы заплатили сами. Тайком. Почему?

Тишина. Он отложил ручку — медленно, ровно, как откладывают щит. Поднял на меня глаза, тёмные, непроницаемые.

— Потому что женщины не должны зависеть от обстоятельств своего мужа. Ни вы, ни какая-либо другая. Мне это знакомо с детства, — он помолчал. — Ешьте ягнёнка, госпожа Кузнецова. Он недёшев.

Я должна была уйти. Хороший тон требовал уйти. Вместо этого я сделала шаг вперёд, посмотрела ему прямо в глаза и сказала то, что не говорила ни одному мужчине девять лет, потому что в девять лет прошлого брала чужое:

— Спасибо.

Не «спасибо за ужин». Не вежливое. Настоящее — с именем и фамилией, с весом.

Он встал. Подошёл — близко, слишком близко, так что я почувствовала запах его кожи, тёплый, с нотками уда и чего-то дымного. Взял мою руку. Не пожал — просто взял, раскрытой ладонью вверх, как берут что-то хрупкое.

— Не благодарите меня, — сказал он тихо. — Благодарность делает нас ровными. А я не хочу быть с вами ровным. Я хочу быть тем, кто сильнее. Для вас — сильнее.

Он отпустил мою руку первым. И я вышла в коридор, и сердце у меня стучало не так, как после ссоры с мужем, а совсем, совершенно иначе.

Глава 6. Вторая семья по документам

Архив холдинга я получила официально — «для подготовки переводческих материалов по делу». Дело в том, что Зейд готовил иск к фирме Кузнецова и партнёру, и мне дали ящики с копиями. Я пришла за контрактами. Нашла свою жизнь.

Первой попалась папка с визовой историей Руслана. Виза резидента супруги — не моя. Лейла аль-Рашиди, вписанная как жена, — с двенадцатого года. Двенадцатый год! Нашей свадьбе было тогда полгода. Он завёл её в реестр, когда я выбирала скатерть на наш стол и ждала его из первой «командировки».

Дальше — свидетельства о рождении. Амира, шесть лет. Мальчик, Юсуф, — восемь. Юсуф родился за три месяца до нашей московской свадьбы. Я вспоминала тот день: он опаздывал в загс на сорок минут, приехал взмыленный, целовал мне руку и говорил: «Прости, подрядчик, сейчас всё решим — и мы полетим на Бали». Подрядчик, думала я теперь, рожал сына.

А потом я нашла лист, который убил меня окончательно. Внутренняя ведомость расходов фирмы, столбец «содержание зарубежного представительства». Строка: «Семья резидента — ежемесячные выплаты». И ниже, мелко, почерком бухгалтера: «Московская жена — по доверенности, см. лист 47».

Я открыла лист сорок семь. Там была моя подпись — под бумагой, о которой я не имела представления, — и моя же подпись на доверенности, которую он принес «на пару минут» с гречкой.

Меня не было. Не было никакой Аделины, жены, женщины, которая девять лет ждала. Был пункт расходов, обслуживаемый по доверенности. Я сидела в архиве до ночи и раскладывала бумаги так ровно, как будто от этого зависела моя жизнь. А жизнь зависела от другого: от того, что я не заплакала над листом сорок семь при свидетелях.

Заплакала я в своей комнате, в шелках, глядя на залив. Плакала беззвучно и зло, как в шестнадцать лет, уткнувшись в подушку, чтобы мама не слышала. Девять лет. Две семьи. Мальчик старше моего брака. Я вытирала лицо платком, а он всё был мокрый, и я думала: надо перевести слово «предательство» на все языки, которыми я владею, и посмотреть, в каком из них оно звучит иначе. Ни в одном. Оно звучит одинаково.

В дверь постучали. Служанка протянула мне запечатанный конверт:

— От его высочества. Он просит перевести к утру. Сказал, это письмо партнёру, срочное.

Я развернула письмо на террасе, при ночном ветре, ожидая юридическую тягомотину. Первые строки были деловые. Дальше — рукой Зейда, от первого лица, партнёру в Стамбул:

«…и еще одно, вне протокола. Я понял на этой неделе, что такое ложь в масштабе семьи. Твой брат когда-то говорил: человек, способный вести двойные книги, ведёт и двойную семью. Я не поверил. Верю теперь. Попроси своих людей проверить не фирму Кузнецова — проверь женщину, которую он назвал женой в Москве. Не как свидетельницу. Как жертву, которой солгал дольше всех. Если она чиста — я хочу это знать не для суда. Для себя. Ее зовут Аделина. Я хочу, чтобы у этого имени в моем деле была не только строка расходов, но и правда».

Я сидела с письмом в руках, и ветер трепал страницы, и я не могла решить, что сильнее: рёв внутри от растоптанных девяти лет — или это новое, страшное, живое, растущее в груди от того, что человек, который держит мой паспорт, написал моё имя в письме и попросил проверить меня не на лживость — на чистоту.

Перевод нужен к утру. А у меня дрожали руки.

Глава 7. Письмо, которого не было

Я перевела письмо. Честно, аккуратно, слово в слово — включая абзац про «чистоту» и моё имя. Положила перевод на край его стола в кабинете, где он утром принимал партнёров, и собралась уйти, не встречаясь взглядом.

— Вы перевели всё? — спросил он, не поднимая головы.

— Всё.

— Включая последнюю страницу?

Я перелистала в уме. Страница была одна. Я вернулась к столу — и увидела, что под переводом лежит второй лист, которого вчера не было. Тонкая папка, гриф холдинга. Он подтолкнул её ко мне.

— Сядьте, госпожа Кузнецова. Вам лучше сидеть.

Я села.

В папке были документы следствия — частного, но дорогостоящего. Финансовая экспертиза фирмы Кузнецова и партнёра за семь лет. Схема открывалась как чертёж: Руслан годами воровал контракты фирмы — тендерные расчёты, сметы, технологические карты — и продавал конкурентам. Через цепочку фирм, через подставных людей. Сумма, красовавшаяся на первой странице, заставила меня пересчитать нули дважды.

На восемнадцатой странице схемы я увидела своё имя.

«Подписи под исходящими документами, содержащими коммерческую тайну, — сухо писал эксперт, — выполнены А. В. Кузнецовой (см. доверенность №14-МСК). Перевод документов, предположительно, осуществлялся лично…»

— Этого не было, — сказала я. Голос сел. — Я никогда не… Я переводила контракты для него домой, да, но я думала…

— Я знаю, что вы не знали, — сказал Зейд. Он сидел напротив, сложив пальцы домиком, и смотрел неумолимо, как рентген. — Но следствие в вашей стране будет смотреть иначе. По документам, госпожа Кузнецова, вы — переводчица схемы. Ваш муж позаботился об этом заранее. Возможно, годами. Он подкладывал ваши подписи под чужие бумаги, как столовое серебро.

— Зачем вы мне это показываете?

Он встал. Обошёл стол. Остановился так близко, что я видела в его глазах собственное отражение — маленькое, растерянное.

— Потому что у вас два пути, и я хочу, чтобы вы выбрали сами. Первый: вы жертва. Вы сидите тихо, ждёте, чем кончится суд над вашим мужем, и молитесь, чтобы вас не притянули. Второй: вы свидетель. Вы даёте показания, вы отдаёте мне все его бумаги, вы рассказываете про лист сорок семь и про доверенности с гречкой. Вы входите в войну, госпожа. В войну против человека, который девять лет спал с вами под одной крышей.

— Он не спал со мной, — услышала я собственный голос, странным образом спокойный. — Он спал рядом с удобной строчкой расходов. Это разные вещи. Выбирайте второй путь, ваше высочество. Он мне больше нравится.

Впервые за все дни — с той самой гостиной, с женой и ребёнком на бедре — я увидела, как его лицо изменилось. Не улыбка. Что-то точнее и дороже улыбки: подтверждение. Он изучал меня секунды три — и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.